

© 2000 г., ЭО, № 6

Б.А. К а л о е в

ИЗ ДНЕВНИКА КАВКАЗОВЕДА.

III. КАВКАЗОВЕДЫ: НЕСКОЛЬКО ПОРТРЕТОВ*

В 1943 г. в Институте этнографии Академии наук СССР был основан сектор народов Кавказа. Он стал научным центром кавказоведения во многом благодаря научной и организационной деятельности выдающегося ученого Марка Осиповича Косвена¹. В течение 14 лет (1943–1957) он руководил сектором, собрав в его состав многих специалистов высокого уровня. М.О. Косвен привлекал также кавказоведов, работавших в других московских научных учреждениях. Ученые Москвы и Ленинграда (Санкт-Петербурга) осуществили целый ряд замечательных научных публикаций, составивших золотой фонд кавказоведения. Среди них назовем работы Евгения Михайловича Шиллинга по аварцам, андийским народам, кубачинцам, о ковроткачестве и других ремеслах в Дагестане, Лидии Борисовны Панек по лезгинам и мтиулам, Евгении Георгиевны Пчелиной по осетинам, Николая Феофановича Яковлева по войнам и адыгам, Леонида Ивановича Лаврова по народам Северного Кавказа, Евгении Николаевны Студенецкой – специалиста по одежде народов Северного Кавказа. Этнографы из всех республик Кавказа активно и плодотворно сотрудничали с московскими коллегами.

Заметной фигурой среди московских кавказоведов был Георгий Александрович Кокиев, доктор наук, проф., зав. кафедрой Истории СССР на историческом факультете МГУ, заведовавший отделом аспирантуры Института этнографии. Его родители были крестьянами, отец – осетин-дигорец, мать – кабардинка (такие смешанные браки между представителями этих соседствовавших народов были нередки с давних пор). После окончания Московского археологического института Г.А. Кокиев работал в Москве в различных вузах и научных учреждениях. С 1943 г. состоял старшим научным сотрудником Института этнографии АН СССР. Опубликовал много работ, посвященных кавказским народам. Археолог по образованию, он совершал полевые экспедиционные поездки по Кавказу. Известен, например, его выезд совместно с М.О. Косвеном в 1930-х годах в Южную Осетию: Кокиев изучал памятники позднего средневековья, а Косвен собирал материалы по пережиткам общины осетин. Эти сведения легли в основу открытого им социального института – патронимии². Труд Кокиева «Склеповые сооружения Горной Осетии»³ остается до сих пор настольной книгой каждого кавказоведа. У него немало работ по истории осетин и особенно кабардинцев (большая часть оставшихся неизданными). Не опубликована и его работа «Дигорское ущелье», написанная в лагере.

Г.А. Кокиев был научным руководителем моей аспирантской работы. За время близкого с ним общения я убедился, что Георгий Александрович пользовался большим авторитетом среди ученых, всегда находился в их окружении, имел немало последователей, высоко ценивших его как крупного кавказоведа. Однажды, собираясь поехать в Президиум Академии наук, он пригласил меня с собой. Президиум занимает красивый старинный Нескучный дворец. До войны в нем помещался Музей народов СССР, в котором Георгий Александрович проработал много лет. Он рассказывал об

* Продолжение. Начало см.: Этнограф. обозрение (далее – ЭО). 2000. № 4, 5.

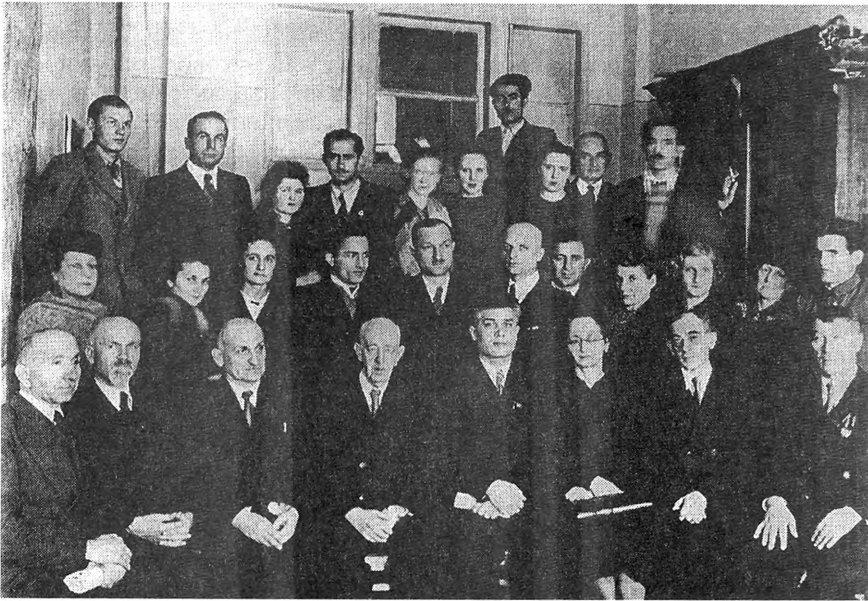

Рис.1. Участники научной сессии кавказоведов (Москва, 1948 г.) В нижнем ряду сидят: первый слева И.М. Джафар-Заде, третий слева Г.С. Читая, следующие – М.О. Косвен, Р. Магомедов, В.В. Бардавелидзе, Е.М. Шиллинг, Дзоккаев; в среднем ряду стоят: первая слева Н.Ф. Такоева, за ней Т.А. Очаури, Р.Л. Харадзе, Ш.Д. Инал-ипа, А.И. Робакидзе, Л.И. Лавров, восьмая слева М.В. Саидова, за ней Е.Н. Студенечкая, Л.Б. Панек, Б.А. Калосв; в верхнем ряду стоят: второй слева Е.И. Крупнов, за ним Г.П. Садикова, В.И. Элашвили, Л.А. Зверева (Витухновская), З.А. Никольская, М.М. Ихилон, Я.С. Смирнова, Г.Я. Мовчан

этом музее и окружающих его зданиях. В одном из них, по его словам, жил известный советский историк и общественный деятель Н.М. Покровский. Георгий Александрович был знаком с ним лично, высоко ценил его талант.

Кокиев был активным организатором и участником научных конференций и сессий, на которые собирались специалисты по истории, экономике, археологии, языку, фольклору кавказских народов. В августе 1947 г. в Нальчике проходила очередная всероссийская научная сессия под руководством акад. И.И. Мещанинова, на которой Кокиев руководил секцией истории и прочитал доклад «Малокабардинские поселения в XVI-XVII вв. в Центральном Кавказе», вызвавший большой интерес⁴.

К сожалению, эта работа ученого, как и другие работы по Кабарде, остается до сих пор неизданной, ибо Г.А. Кокиев был репрессирован. Мне известно по рассказам самого Кокиева, что в 1941 г. он избежал ареста только из-за того, что срочно выехал с Кавказа (где находился в командировке) в Москву: ему не могли простить его бывшего членства в партии так называемых керминистов (1918 г.), программа которых расходилась с программой большевиков, и защиты керминистов в газетных публикациях (хотя Георгию Александровичу было в то время не более 18 лет!). Г.А. Кокиев был арестован в 1949 г. и погиб в заключении. Впоследствии он реабилитирован.

М.О. Косвен установил четкий порядок работы сектора Кавказа: раз в неделю коллектив сектора совместно с приглашенными коллегами, аспирантами и студентами МГУ, специализировавшимися по этнографии народов Кавказа, собирался на заседания, на которых ставились и обсуждались научные доклады и сообщения, подвергавшиеся оживленному, всегда интересному обсуждению. На этих заседаниях я впервые познакомился с выдающимися кавказоведами: Евгением Игнатьевичем Крупновым, Екатериной Николаевной Кушевой, Николаем Феофановичем Яковлевым, Анатолием

Михайловичем Фадеевым, Георгием Францевичем Дебецем и др. На заседаниях не раз выступали Е.С. Зевакин и А.М. Ладыженский.

Владея несколькими европейскими языками, Евгений Сергеевич Зевакин, бывший докторант Института этнографии, позже – многолетний руководитель иностранным отделом библиотеки им. Ленина, посвящал свои доклады характеристике материалов по северокавказским народам, содержащихся в трудах иностранных авторов. Он, как и его сестра Ирина Сергеевна, занимался переводами текстов этнографического характера. Е.С. Зевакин много лет изучал западных черкесов, неоднократно к ним ездил и даже женился на черкешенке.

Запомнился мне и проф. Александр Михайлович Ладыженский – среднего роста мужчина с красивой седой бородой. Он был сотрудником Института права АН СССР, с 1920-х годов изучал обычное право северокавказских горцев. М.О. Косвен был всегда рад его появлению на заседаниях сектора, потом резко изменил к нему свое отношение, и Ладыженский перестал посещать нас. Позже я узнал, что будучи обвиненным в плагиате при обсуждении в Институте права его монографии «Обычное право горцев Кавказа», он покинул институт, в архиве которого до сих пор хранится рукопись его монографии, уехал в Ростов-на-Дону, где когда-то начиналась его научная деятельность и где, к сожалению, завершился его жизненный путь.

Тогда же я познакомился с Владимиром Павловичем Пожидаевым, старейшим кавказоведом, автором замечательного труда «Хозяйственный быт кабардинцев»⁵ и ряда других работ, посвященных горцам Северного Кавказа. В годы, о которых я рассказываю, В.П. Пожидаев почти ослеп. Дочь приводила его за руку на наши заседания. Пожидаев, сын ставропольского безземельного крестьянина, рано познал сиротскую долю, оставшись без отца в 13-летнем возрасте. Он был пастухом, учеником шорника и мальчиком на побегушках у лавочника. Природная одаренность, стремление к образованию помогли ему окончить в 1905 г. Эриванскую учительскую семинарию, а в 1914 г. – историко-филологический факультет МГУ. В.П. Пожидаев, работая сначала в сельских школах в самых захолустных местах, а затем в средних школах Нальчика, Екатеринодара, Владикавказа, посвящал свои летние каникулы изучению этнографии горских народов. В 1929 г. он – профессор пединститута во Владикавказе, в 1932 г. поселился в Москве и, несмотря на болезнь глаз, по-прежнему живо интересовался наукой.

Еще одним постоянным участником заседаний сектора Кавказа был Н.Ф. Яковлев – выдающийся кавказовед, этнограф, крупный специалист по вайнахским и адыгским языкам. Его книга «Ингуши», основанная на оригинальных материалах автора, являлась лучшим для своего времени трудом по этнографии горцев Кавказа⁶. Н.Ф. Яковлев был ярким приверженцем теории Н.Я. Марра; после публичной дискуссии, отвергнувшей эту теорию, он тяжело заболел, долго лежал в больнице и там же скончался.

Сектор весьма ценил контакты с археологом Е.И. Крупновым и историком Е.Н. Кушевой, которые во многом способствовали становлению археологии и истории периода позднего средневековья. Особенно наши контакты расширились, когда институты этнографии, археологии и истории оказались в одном здании на ул. Дмитрия Ульянова. Я горжусь тем, что много лет находился с этими учеными в добрых дружеских отношениях.

Организирующим стержнем работы советских кавказоведов стала подготовка двух томов из серии «Народы мира», над которой работал весь коллектив Института этнографии. Привлекались к этой работе и специалисты из многих городов Кавказа⁷. Задачам, встававшим в ходе подготовки этой серии, уделялось основное внимание на научных сессиях, которые организовывал Институт этнографии в сотрудничестве с кавказскими научными учреждениями в Тбилиси (1947 г.) и Москве (1948 г.).

В 1950-х годах весьма активно разрабатывались проблемы этнографии дагестанских народов. М.О. Косвен несколько лет совмещал руководство сектором Кавказа нашего института с заведованием сектором истории народов Дагестана Дагестанского

Рис.2. Е.И. Крупнов со своими учениками – археологами-кавказоведами. Слева направо: В. Бжани, В.И. Марковин, Р.Ф. Мунчаев, Е.И. Крупнов, В.И. Козленкова

филиала АН СССР. Он подготовил к печати ценный труд – сборник архивных документов, благодаря которому в научный оборот были вовлечены уникальные материалы⁸. До 1950-х годов в Дагестане – стране, где живет более 30 народов, не было достаточного корпуса научных кадров. Приехав в Дагестан в 1952 г. в составе Дагестанской экспедиции, направлявшейся для изучения агулов и лезгин, я застала там лишь одного этнографа местного происхождения – горского еврея М.М. Ихилова. Не лучшим образом обстояло дело в этой республике с кадрами по другим гуманитарным наукам: в Институте истории, языка, литературы и экономики Дагестанского филиала АН СССР было всего два историка, один экономист, несколько фольклористов и лингвистов. В состав этого немногочисленного коллектива входили специалисты высокого класса: лезгин М.М. Гаджиев – лингвист; аварец М.С. Сеидов – превосходный знаток арабского языка, помощью которого пользовались многие коллеги; лакец Г.Б. Муркелинский – бывший офицер царской армии, автор ряда ценных трудов по лакскому языку.

Благодаря усилиям М.О. Косвена и других специалистов Москвы и Ленинграда в Дагестане сформировался сильный коллектив этнографов. Ученые степени получили С. Гаджиева – кумычка, С. Агаширинова – лезгинка, А. Алиев – даргинец, М. Ихиллов – горский еврей и др. Все они прошли обучение в аспирантуре Института этнографии, получив глубокие знания по специальности и навыки научно-организационной работы. С. Гаджиева, например, много лет возглавляла сектор этнографии Института истории и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Этот коллектив, объединивший значительное число этнографов – по большей части ее учеников, внес существенный вклад в дело этнографического изучения Дагестана.

Среди дагестанских ученых особую память по себе оставил Хаджи-Мурат Омарович Хашаев – аварец, представитель самого многочисленного народа Дагестана, большой любовью и уважением которого он неизменно пользовался, свидетелем чему я бывал не раз, находясь рядом с ним на его высокогорной родине или в столице

республики. С 1934 г., закончив учебу в Москве, он с 25-летнего возраста выполнял ответственные поручения в своей республике. Юрист по образованию, он в годы Великой Отечественной войны был прокурором Дагестана в чине генерала, внес большой вклад в дело обеспечения фронта всем необходимым. После войны, став кандидатом юридических наук, Хаджи-Мурат Омарович занимал различные ответственные посты – секретаря обкома, наркома юстиции и прокурора республики, директора Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР и др. С 1950 г. до самой кончины он работал заместителем председателя президиума этого филиала.

Х.-М.О. Хашаев сыграл огромную роль в деле подготовки научных кадров из среды местных народов. По натуре исключительно добрый, общительный он имел много друзей в академических кругах, состоял в хороших отношениях с академиком А.В. Топчиевым – главным ученым секретарем Президиума Академии наук. Естественно, что ему удавалось устраивать десятки молодых дагестанцев в институты Академии для обучения и получения ученых степеней.

Х.-М.О. Хашаев часто бывал в Институте этнографии, всячески помогал работе Дагестанской экспедиции института. Именно он уговорил М.О. Косвена стать руководителем сектора в Дагестанском филиале. В середине 1950-х годов Хашаев приехал в Москву для завершения своей докторской диссертации («Общественный строй Дагестана в XIX в.»), которую он готовил под руководством Косвена. Он привез с собой в Москву целый мешок бумаг – архивных документов, найденных им в архивохранилищах республик Северного Кавказа и Закавказья. Эти материалы легли в основу его работы. Мне этот мешок не раз приходилось перетаскивать на себе при частых переездах его владельца с квартиры на квартиру. В этот период между нами установилась большая дружба, продолжавшаяся много лет до последних дней его жизни.

В 1957 г. Х.-М.О. Хашаев защитил докторскую диссертацию. В 1961 г. она вышла отдельной книгой под редакцией М.О. Косвена⁹. На основе многочисленных архивных источников и оригинального полевого материала автор совершенно по-новому освещал многие вопросы социально-экономического и политического развития Дагестана в XIX в., касался феодальных отношений в горах и на равнине, вольных обществ, мюридизма и движения Шамиля, тухумов, главных отраслей хозяйства – земледелия и скотоводства и т.п. Например, мюридизм он рассматривал «как очень сложное социальное явление, где участвовали разные слои населения, имевшие различные общественные интересы... интересы огромного количества узденства были отличны от интересов духовенства. Узденство хотело избавиться и от колониального гнета, чтобы получить власть и диктовать свои правила, то есть, чтобы установить (свои) феодальные порядки, эксплуатацию... Нельзя это движение рассматривать, считая что оно не изменялось и было одинаковым с начала до конца. Напротив, материалы говорят, что движение в начале, в середине и в конце приобрело разный характер, – происходили социальные изменения в самом движении»¹⁰. Правильное решение автором сложных проблем получило на защите диссертации высокую оценку. Марк Осипович с большой любовью относился к Хаджи-Мурату Омаровичу, передал ему немало своих теоретических знаний в области изучения общественных и социальных институтов.

Думается, что М.О. Косвен не мог не знать сложного жизненного пути своего друга, выбившегося, как и многие его ровесники-горцы, благодаря советской власти из нищеты и бесправия на широкую дорогу, влившись в ряды активных строителей новой жизни. Гонимый судьбой, Хашаев подростком покинул многодетную бедную родную семью, ушел на заработки в соседнюю Чечню, где нанялся пастухом к богатым овцеводам. Характерно, что у самих чеченцев, как и ингушей, по моим многолетним наблюдениям, работа по найму считалась недостойной мужчины: если парень был причастен к этому занятию, он рисковал потерять руку любимой девушки. Находясь в обществе чеченцев, я не раз замечал их удивление, вызванное прекрасным знанием

Хашаевым чеченского языка и его исполнением старинных чеченских песен, которые сами молодые чеченцы уже стали забывать.

В Чечне с Хаджи-Муратом Омаровичем стряслась беда: он потерял ногу вследствие случайного выстрела из боевой винтовки. Окруженный заботой и вниманием со стороны местных властей и добрых людей, он прожил в Чечне до окончания средней школы. Аттестат о ее окончании дал ему возможность поехать в Москву для получения высшего образования. Хашаев ходил на протезе, но это было почти незаметно. В Москве на одной вечеринке он лихо плясал лезгинку. Мой сосед, удивляясь этому, сказал: «Ведь у него нет одной ноги!» Для меня это было новостью.

Х.-М.О. Хашаев пользовался огромным авторитетом в Дагестане. Будучи прокурором республики, подавая примеры личной нравственности, он сумел примирить десятки, если не сотни кровников. Трогательная дружба связывала его с народным поэтом Дагестана Гамзатом Цадаса, отцом Расула Гамзатова. Популярность его среди дагестанцев особенно поразила меня, когда (кажется, в 1965 г.) он пригласил меня с дочкой в свой родной высокогорный аул Могох на свадьбу племянника. Выехав рано утром, мы добрались до цели только поздно вечером: повсюду на протяжении пути его встречали с восторгом, обнимали как родного, советовались с ним по разным житейским делам.

Хаджи-Мурат Омарович был заботливым семьянином, хотя с женами ему не везло: он был трижды женат. Первая его жена была аваркой из богатой семьи, вторая – терской казачкой, третья – чеченкой. От них всех он имел детей, которых поставил на ноги, со всеми сохранил хорошие отношения.

В 1954 г. в Махачкале состоялась научная сессия этнографов-кавказоведов, организованная Институтом этнографии АН СССР при активном участии Косвена, посвященная истории народов Дагестана. В столицу республики съехались специалисты из всех местностей Кавказа, из Москвы и Ленинграда. Заседания проходили очень бурно, сопровождалась многими эмоциональными речами. Особенно мне запомнился Саид Магомедович Габиев. Воспитанник известной на Кавказе Ставропольской классической гимназии, а затем Санкт-Петербургского университета, автор замечательного этнографического труда «Как живут лакцы», увидевшего свет до революции, он был этнографом, поэтом, видным общественным и политическим деятелем, издателем первой дагестанской газеты в Петербурге, выходившей на нескольких языках: русском, лакском и кумыкском (его в то время называли татарским).

На сессии С. Габиев выступал несколько раз, читал и свои стихи. Среднего роста, худощавый, подтянутый, крепкого сложения, лысый, гладко выбритый, обутый в кавказские мягкие сапожки – таков был внешний облик легендарного Саида, одного из крупных просветителей Дагестана, давно знакомого мне по его монографии и по рассказам. Я хорошо знал его сына Джейрана – этнографа. Теперь мне удалось лично познакомиться с Габиевым. Узнав, что я осетин, он обрадовался, сообщив, что в ставропольской гимназии одновременно с ним училось много осетин, с некоторыми из них у него сложились дружеские отношения. Затем он спросил об О.Н. Туаевой, с которой в бытность во Владикавказе был хорошо знаком (и даже, кажется, был влюблен в нее). Я ответил, что Ольга Николаевна – первая осетинка, получившая профессорское звание, много лет читавшая курс осетинского языка в Североосетинском государственном пединституте, недавно скончалась. Эта весть его очень опечалила: он долго стоял молча и неподвижно.

Мне запомнился один эпизод, связанный с С. Габиевым. После окончания сессии наши гостеприимные хозяева повезли нас в далекие труднодоступные аварские горы, чтобы показать место пленения Шамиля, которым по существу закончилась длительная и кровопролитная Кавказская война. Хотя мы ехали на легковых машинах и хорошо оборудованных автобусах, долгий путь по избитой горной дороге, пересекавшей во многих местах пропасти, оказался тяжелым. Наконец, добрались до Гуниба. Перед нами открылось широкое красивое плато, расположенное на высоте более 2000 м над уровнем моря, покрытое густой зеленой травой, освещенное яркими

лучами солнца. Здесь мы осмотрели памятник – небольшое каменное сооружение, именуемое «беседкой», – место пленения Шамиля генералом Барятинским в 1859 г. в тот момент, когда Шамиль совершал намаз, расположившись на зеленом ковре.

Конечно, после такой поездки все устали, особенно пожилые участники сессии, исключая 85-летнего Саида Габиева, который, легко прогуливаясь в своих неизменных кавказских сапожках, подошел к нам, стоявшим неподалеку от лежавшего на траве М.О. Косвена (ему в ту пору было 69 лет), и, показывая на него рукой, спросил: «А этого старика зачем привезли?». Мы промолчали. Он еще раз взглянул на Марка Осиповича и пошел дальше своей легкой походкой. К сожалению, этому уникальному горцу не суждено было прожить еще дольше: он скончался в Тбилиси, где жил последние годы, и был, согласно его воле, похоронен на высокогорной родине в ауле Кумух.

В Гунибе мы остались ночевать, пользуясь гостеприимством наших дорогих хозяев, устроивших для нас богатое кавказское застолье, всегда сближающее людей. Для меня, например, пребывание в Махачкале и в Гунибе послужило началом близкого знакомства с выдающимися грузинскими этнографами – Георгием Спиридоновичем Читая, Алексеем Ивановичем Рыбакидзе, Верой Варгановной Бардавелидзе, Русудан Лукьяновной Харадзе. С ними добрая дружба связала меня на долгие годы. Грузинская делегация всегда выделялась своим многочисленным составом. На форумы всесоюзного и всекавказского масштаба грузинские ученые обычно приезжали с большой группой своих питомцев с целью расширить их кругозор, дать им необходимые навыки научной работы.

Итоги сессии послужили прочной основой для дальнейшего изучения этнографии народов Дагестана. Сессия показала, что в этой республике в послевоенный период появилось значительное число научных работников из среды местных народов, которые в состоянии были решать серьезные проблемы самостоятельно.

Примечания

¹ Подробнее см.: *Калоев Б.А.* Марк Осипович Косвен – кавказовед // ЭО. 2000, № 3. С. 122-135.

² *Косвен М.О.* Большая семья и патронимия. М., 1963.

³ *Кокиев Г.А.* Склеповые сооружения Горной Осетии. Владикавказ, 1928.

⁴ *Круннов Е.И.* Вторая сессия Кабардинского научно-исследовательского института // Сов. этнография. 1948. № 1. С. 233.

⁵ *Пожидаев В.П.* Хозяйственный быт кабардинцев. Воронеж, 1925.

⁶ *Яковлев Н.Ф.* Ингуши. М.:Л., 1925.

⁷ Народы Кавказа. Т.1. М., 1960 (посвящен народам Северного Кавказа); Т.П. М., 1962 (посвящен народам Закавказья).

⁸ История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. М., 1958.

⁹ *Хашаев Х.-М.О.* Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961.

¹⁰ *Аголаров М.А.* Х.-М.О. Хашаев – историк-кавказовед (к 70-летию со дня рождения) // Хашаев Хаджи-Мурад Омарович (1909–1971). Махачкала, 1980. С. 17-18.

В.А. К а л о е в. From the diary of a student of the Caucasus. III. Students of the Caucasus: a few portraits

On the basis of his personal impressions the author recreates the atmosphere of creativity that reigned in the group of Moscow students of the Caucasus in the 1940s–1960s. Under the leadership of Prof. M.O. Kosven two volumes on the peoples of the Caucasus and Trans-Caucasus from the series «Peoples of the World» were being created at the time. To participate in the scholarly life of the Sector of ethnography of the peoples of the Caucasus of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences many specialists from other scientific institutions were invited too. The Sector worked also in active co-operation with the experts who lived and worked in the republics of the North Caucasus and Trans-Caucasus. The article provides vivid portraits of such prominent students of the Caucasus as G.A. Kokiev, Kh.-M.O. Khashaev and of many others. Creative meetings of the students of the Caucasus from the entire country contributed to the working out of the unified principal approaches used in scientific research studies. As an example the article describes the work of a scientific session in Makhachkala (Daghestan), 1954.